

Вышивка на лицах: учёные раскрыли тайну древнего культа Берингии

Вышивка на лицах: учёные раскрыли тайну древнего культа Берингии

Учёные Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого вместе с коллегами из Северо-Восточного государственного университета (Магадан) восстановили технологию нанесения татуировок, которую использовали представители коренные народы Крайнего Севера Азии и Северной Америки. Самые ранние орудия, которыми, судя по следам работы и остаткам краски, наносили рисунки на кожу, обнаружены на стоянке Ушки-V на Камчатке и датируются периодом 13-12 тысяч лет назад. За это время набор инструментов сменился от каменных отщепов до металлических игл с резными рукоятками, но сама традиция почти не изменилась и сохранила архаичные черты финального палеолита. Результаты исследования опубликованы в журнале [Quaternary Environments and Humans](#).

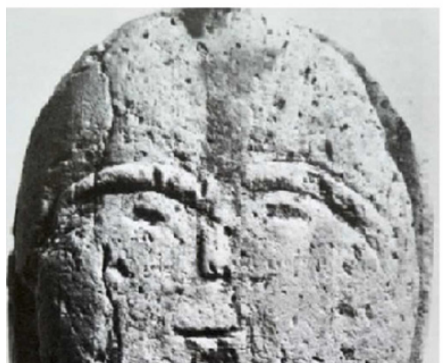
Изучать древние татуировки трудно по очевидной причине: кожа не сохраняется, за исключением редких случаев. Прямых свидетельств у археологов почти нет, поэтому исследовать характер нанесения и роль татуировок несколько тысяч лет назад приходится по орудиям, следам пигмента на них и косвенным данным, вроде масок и фигурок с прорезными линиями на лицах. Авторы работы соединили сразу несколько подходов: трасологический анализ каменного инвентаря, определение спектра состава красок, изучение музейных этнографических коллекций и описаний путешественников XVI-XX веков.

1

2

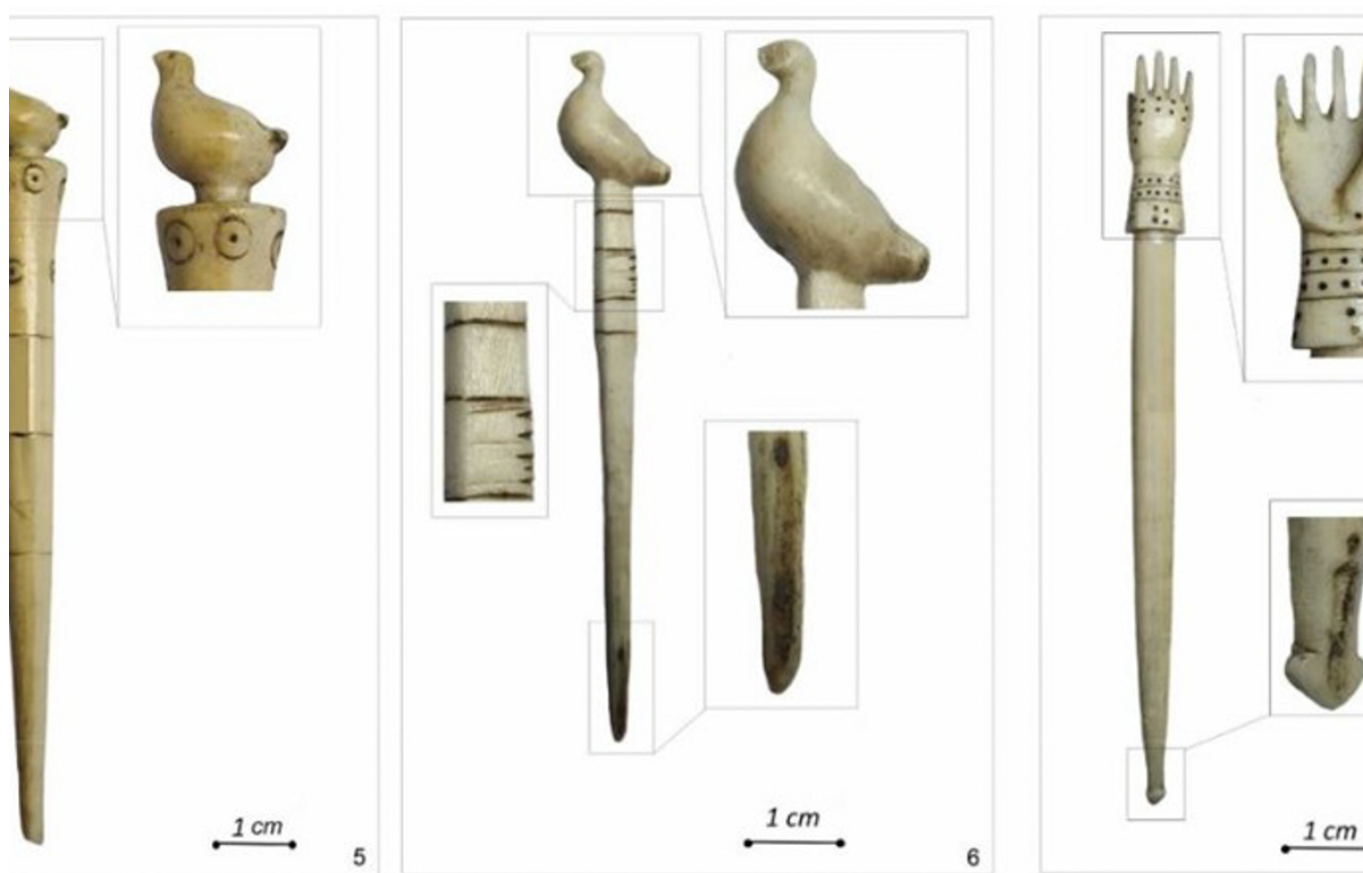
Основной археологический материал происходит из культурного слоя VII стоянки Ушки-V (территория Камчатки) возрастом около 13–12 тысяч календарных лет. Трасологическое исследование выборки из 12 наконечников стрел и дротиков провёл доктор исторических наук Павел Волков (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск). Следы работы нашлись на 19 предметах, наиболее выразительные — на 11. Картина оказалась нетипичной: орудия контактировали с мягким эластичным материалом, каким обычно бывает хорошо выделанная кожа, но входили в него неглубоко, а зона износа подступала вплотную к лезвиям. Для раскроя шкур это не характерно, а вот для работы по живой коже — вполне логично. Современная практика показывает, что глубина введения краски не должна превышать полутора-двух миллиметров, иначе вместо рисунка человек получает воспаление мягких тканей.

«Прямых доказательств татуирования в каменном веке почти не осталось, работать приходится с орудиями. В седьмом слое Ушков мы получили сочетание признаков, которое трудно объяснить иначе: контакт с мягким эластичным материалом, характерная кинематика, малая и стабильная глубина проникновения, остатки пигмента на рабочих кромках. Отдельно отмечу наконечники стрел. Охотничье оружие, применённое явно не по прямому назначению, скорее всего, указывает на ритуальную сторону процедуры, на связь с промысловой магией или обрядами инициации», — рассказала доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного государственного университета Ирина Понкратова.

Состав красок на 19 орудиях этой коллекции определили при помощи сканирующей электронной микроскопии и энергодисперсионного анализа. В финальном палеолите пользовались тремя разными рецептурами. Красную краску получали, смешивая растёртый гематит со связующими компонентами: жиром и кровью животного или пигментом растительного происхождения (соком растений). Жёлтая краска состояла из лимонита, органического связующего и загустителя, которым могла служить глина, алюмосиликатный материал или толчёная кость. Тёмно-оранжевая делалась из того же лимонита с органикой, но без загустителя. Преобладающим способом татуирования в это время было разрезание кожи, то есть скарификация, хотя прокалывание тоже применялось.

В дальнейшем технология не усложнялась, а упрощалась. Этнографическую часть исследования авторы построили на коллекции алеутских инструментов для татуировки, собранной И. Г. Вознесенским в 1844 году на острове Атка и хранящейся в Кунсткамере. Это две металлические иглы с рукоятями и пять рукоятей, иглы от которых утрачены. Рукояти вырезаны из моржового клыка и украшены гравировкой: хвост кита, лежащий на спине калан, куропатка в зимнем белом оперении, птенец

сизокрылой чайки, небольшой топорик, объёмное изображение человеческой руки. Железная игла размером 1,2 на 0,1 сантиметра крепилась к рукояти тонкими сухожилиями, а хранили такие иглы в футлярах из клыка моржа с фигурками зверей и людей. В XVIII веке алеуты работали иглами из костей чаек и рыб, в XIX веке перешли на металл. Краски при этом стали проще: вместо многокомпонентных палеолитических составов в ход пошли однокомпонентные природные материалы — уголь, зола, белая известь, медная руда, кровь человека, рыбы и животных. Уголь и известь обжигали, растирали в муку и хранили в мешочках, стянутых кожаным ремнём. На Уналашке медную руду толкли в тончайший порошок, смешивали с жиром и завязывали в кусок кишки. Чернила из елового угля с кровью давали на теле тёмно-синий тон, а краску вносили, приподняв кожу остриём иглы, чтобы выступила кровь.

«Набор для татуирования, который мы видим в музейных фондах, — это не бытовой инвентарь. Рукоять из моржового клыка с фигуркой калана делалась долго и явно не для того, чтобы просто удерживать иглу. Такие вещи характеризуют факт престижных технологий: утилитарного назначения у них нет, зато они обслуживают процедуру, которая значила для сообщества гораздо больше, чем украшение. Важно и то, что северо-восток Азии и северо-запад Америки в древности составляли единое культурное поле — Берингию, поэтому у традиций татуирования населения по обе стороны пролива, вероятнее всего, общие корни. Геометрические татуировки жителей Чукотки и эскимосов острова Святого Лаврентия, описанные в XVIII веке, существуют

и в наши дни», — отметила доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Гуманитарного института СПбПУ Людмила Лбова.

Отдельная северная техника — это прошивание кожи. Чукчи протягивали под кожей нить, пропитанную смесью красителя с углём, и чаще всего так татуировали детей и девушек. Русские называли корякскую татуировку «вышивкой лица», и то же самое стоит за встречающимся в описаниях XVIII–XIX веков выражением «шитые, или прошитые лица».

Смыслов у рисунка на теле было много. Он маркировал возраст и положение в общине: у алеуток татуировка на подбородке появлялась с наступлением половой зрелости, около двадцати лет, и позже тянулись к ушам. Чукчи наносили знаки на предплечья и ноги после победы над врагом. Изображения человечков на лбу считались защитниками при нервных болезнях, кружки на щеках оберегали от злого духа. Простыми линиями обводили заболевшие части тела, чтобы снять головную боль, колики, ломоту в суставах, а жители острова Атки прошивали смоченной нитью защемлённую кожу над больным местом. Ранее авторы уже публиковали результаты исследований о связи орнаментов татуировок с генетикой древних популяций и пришли к выводу, что татуировки — это особый этнический язык, своего рода паспорт человека, группы, племени. В XIX и начале XX века традиция татуирования угасает под давлением европейской культуры и прямых запретов христианских миссионеров. На сотнях фотографий алеутов, ительменов, эскимосов, сделанных В. И. Иохельсоном в начале прошлого столетия, татуировок на лицах уже не видно.